

Тот хунну повернул голову, и его глубокое и красивое лицо было намеренно замазано черным, чтобы выглядеть уродливым. Чтобы избежать проверки ханьских солдат, он специально отрастил бороду. Улэйжо не был ребенком, который больше всего походил на своего отца. У него была кровь цзе, его кожа была светлее, а черты лица изящны, поэтому он никогда не был любимцем отца. Однако некоторые его манеры и характер были очень похожи на отцовские. Красавец молча смотрел на него и вдруг покраснел.

Увидев, как тот молча проливает слезы, Улэйжо с раздражением сказал:

— Я просто выполняю обещание отца и доставляю тебя к его гробнице.

В глубине души он также думал о том, чтобы заставить его сопровождать отца в смерти. Яньчжи предала отца, сразу после его смерти перешла к ханьскому императору и связалась с ханьскими шпионами, что было грязным и позорным поступком. Более того, она даже забеременела от ханьского императора, что Улэйжо не мог вынести, считая это величайшим оскорблением для своего отца, великого Шаньюя Ивэйсе.

С горечью думая об этом, Улэйжо погонял воловью повозку, желая поскорее покинуть границу и вернуться в земли хунну.

Но Красавец поднялся с мехового ковра и медленно подполз к нему сзади, обняв его. Улэйжо замер от неожиданности, повозка остановилась. Он с изумлением повернул голову и услышал, как Красавец горько плачет:

— У-у... у-у-у...

Возможно, из-за беременности Красавец стал более чувствительным. В его сознании смутно всплывали печальные воспоминания, и он с грузью в сердце обнял Улэйжо. Красавец прижался лицом к его плечу, слезы пропитали меховой воротник. Он смотрел на грубый черный кнут Улэйжо, вдыхая смесь запахов скота и специфического аромата хуннуского двора, и с отвращением произнес:

— Ты такой уродливый.

Улэйжо был одновременно раздражен и удивлен. Красавец потянулся к его нарочито густой бороде, потрогал ухо с костяной серьгой и с грустью сказал:

— Такой уродливый, такой черный.

Он не произнес последнюю фразу, но она звучала в его голове: «Как черный кабан». Несмотря на это, он крепко обнимал Улэйжо, чувствуя себя в безопасности, и спросил:

— Куда мы идем?

Красавец словно находился в сновидении. Ему снилась зима, когда шел сильный снег, и он сидел на воловьем повозке, где лежал его муж. Его муж был неподвижен, тело его окоченело, но он давал ему чувство безопасности. Красавец гладил его замерзшую бороду, с которой он счищал снежинки. Но теперь в снегу появилось солнце, яркое и ослепительное, и его муж сидел впереди повозки, везя его в небесное царство.

Это, должно быть, сон. Тот хунну, убитый мятежниками, снова оказался рядом с ним, везя его в далекое путешествие, вместе с их ребенком.

Улэйжо, казалось, тоже заметил странное поведение Красавца. Тот то плакал, то смеялся, то был печален, то радостен. Он обнимал его спину, прижимаясь к нему, и с нежностью спросил:

— Великий князь, куда мы идем?

Улэйжо оцепенел и лишь через некоторое время хрипло произнес:

— Ты помнишь моего отца?

Красавец, словно оглушенный ударом дерева, прислонился к его спине и плакал, думая, что он умер в огне и наконец встретил Ивэйсе на пути в небесное царство. Он смотрел на падающие снежинки, не чувствуя холода и страха, потому что его муж всегда и везде защищал его. Красавец, завернутый в толстый меховой плед, прислонился к плечу Улэйжо и снова погрузился в сон.

Сердце Улэйжо билось учащенно. В его душе смешались горечь и глубокая тоска по отцу. После смерти отца хунну пришли в упадок. Его старший брат Фуло пытался подражать отцу, но его авторитет и влияние не могли сравниться с отцовским. Тот, кто когда-то внушал страх всей империи Хань, теперь покоился на плодородных степях, став героем, почитаемым всеми хунну, за то, что погиб, защищая тех, кого любил.

Улэйжо позволил Красавцу обнимать его, не двигаясь. Его округлый живот упирался в спину Улэйжо, и он даже чувствовал движения плода внутри. Улэйжо вздохнул, глядя на слегка подтаявший снег под солнцем, крикнул и снова погнал повозку.

Красавец то спал, то просыпался. У него была травма затылка, он чувствовал себя вялым и растерянным, часто путался. То он в бреду звал «великого князя», то плакал, называя «брата». Каждый раз, когда Улэйжо слышал, как его зовут «братом», его лицо становилось мрачным, а повозка двигалась с громким скрипом.

Ночью Красавец спал на меховом ковре в повозке, а на улице дул холодный ветер. Улэйжо сидел у костра, грел вино и варил суп из баранины. Наевшись, он налил небольшую миску супа, разбудил Красавца и велел ему поесть.

Красавец, чувствуя запах баранины, ел с аппетитом, держа деревянную ложку, которую дал ему Улэйжо. Он быстро съел мясо и выпил суп. Закончив, он смотрел на Улэйжо с голодным взглядом, не насытившись. В ханском дворце он ел много, император каждый день кормил его множеством закусок, поэтому он стал пухлым. Улэйжо с раздражением нахмурился и резко сказал:

— Больше нет!

Красавец покраснел, облизывая ложку, стараясь извлечь из нее последние остатки вкуса, и сглатывал слюну от голода. Улэйжо не собирался готовить для него вторую порцию. Он сам был принцем, хотя и привык к трудностям, но никогда не служил другим. С отвращением он еще немного погрелся у костра, а когда ночь стала глубже, потушил огонь и лег спать в повозке.

Повозка была не просторной, и с Красавцем, у которого был большой живот, Улэйжо, высокий и стройный, спал в тесноте. Закрыв глаза, он через некоторое время почувствовал, как тот прижался к нему сзади и обнял его.

Улэйжо с испугом сел и оттолкнул его, сердито сказав:

— Что ты делаешь?

Красавец испуганно ответил:

— Мне страшно, у-у...

Его память, казалось, была повреждена. Он чувствовал, что человек перед ним знаком, но в то же время чужд. Он не знал его имени, но инстинктивно прижимался к нему.

Улэйжо был раздражен. Они уже задержались в западных землях больше двух недель, не имея возможности пересечь границу. Лоян издал срочный приказ, и все пограничные заставы были усилены, строго проверяя всех хунну. Все торговцы должны были иметь специальные пропуска для прохождения границы. Въезд был проще, но выезжающие хунну подвергались почти полному обыску.

К счастью, Суриле был заранее унесен слугами и, возможно, уже достиг Царского двора. Но он сам и Яньчжи оказались в ловушке, постоянно рискуя быть схваченными. Услышав его всхлипывания, Улэйжо раздраженно крикнул:

— Не плачь!

Плач странно прекратился. Красавец смотрел на него со слезами на глазах, кусая губу, с трудом сдерживая рыдания. Шаньюй тоже любил кричать на него, чтобы он не плакал, и это глубоко засело в его памяти.

Когда он перестал плакать, Улэйжо наконец почувствовал облегчение. Он лег на меховой ковер и снова начал засыпать. Но когда он почти уснул, почувствовал, как сзади его снова обнимают. Улэйжо сердито сел и ударил его по руке. Красавец почувствовал сильную боль, но, кусая губу, не плакал. Улэйжо злобно посмотрел на него в снегу и снова лег.

Сзади больше не было движений, и Улэйжо проспал до утра.

На следующий день Улэйжо попытался пересечь границу. Он оставил Красавца в повозке, а сам пошел красть пропуска. Улэйжо не оставил ему еды, и Красавец целый день сидел в повозке, голодный и замерзший. Улэйжо намеренно отогнал повозку в глухую местность, нашел защищенное от ветра место, привязал волов к толстой ели и дал им корм, но не оставил даже воды для Красавца, возможно, намеренно.

Красавец дождался его только к вечеру. Улэйжо, уставший после долгого дня, тяжело дышал, весь в поту. Сев в повозку, он начал жадно жевать сухари и пить холодную воду. Красавец смотрел на него с голодным взглядом, его желудок урчал. Улэйжо с раздражением обернулся, и Красавец, глядя на лепешку, которую тот жевал, сглатывая слюну, сказал:

— Я тоже хочу.

Улэйжо неохотно оторвал небольшой кусочек и дал ему. Красавец с радостью взял сухой кусок лепешки и жадно запихал его в рот. Он был голоден как зверь. Закончив с лепешкой, он увидел, как Улэйжо разворачивает бумажный пакет и ест свежеприготовленную говядину, не предлагая ему. Говядина была нарезана большими кусками и сварена до мягкости. Улэйжо съел половину, услышав, как сзади Красавец заплакал:

— У-у... я тоже хочу...

<http://bllate.org/book/16253/1462077>